

DOI: 10.15393/j9.art.2008.277

Т. А. Кошемчук

Санкт-Петербург

**«МОЙ ДЕМОН» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ:
ОПЫТ ПОЗНАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ЧЕЛОВЕКА
В ПОЭТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА¹**

Неоднократно отмечалось наличие в русской поэзии сквозных мотивов. В действительности таковыми становятся не случайно совпавшие темы, но лишь те, которые своим истоком имеют православную традицию. Именно укорененность в ней русской культуры, наличие общей для всех поэтов почвы делает возможным развитие в едином контексте русской поэзии постоянных образов и мотивов, эксплицирующих характерные черты духовной личности народа, голосом которой и является поэзия в ее целом. Одна из сквозных лирических тем в русской поэзии классической эпохи — тема добра и зла в человеке, она есть поэтическое преломление такого первостепенно значимого аспекта святоотеческой антропологии, как двойственность человеческой природы, ее удобопревратность по отношению к свету и тьме.

Тема демона, злого гения, в литературе решается двояко. Ее можно связать, в духе христианской традиции, с темой зла, грехопадения ангелов и человека, с помраченностью человеческой природы. Можно подчеркнуть (в антихристианском духе) в образе демона дух протеста и мятежа, увидеть в его отпадении от Бога проявление свободолюбия.

© Кошемчук Т. А., 2008

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (проект 03-04-00468а).

Демон может быть духом падшим и безобразным — или духом гордым и мятежным; он может быть воспринят как онтологическая реальность — или как плод фантазии поэтов, выявляющий их революционные устремления. Очевидно, что в атеистическом литературоведении образ демона, героя литературных произведений, привлекавший к себе особенное внимание советских исследователей, интерпретировался в атеистическом ключе. В русской же классической поэзии этот образ мыслился в ключе религиозном, традиционном, изначальном. Здесь налицо радикальное несоответствие поэзии и критики в их духовных основаниях. Демонизм как дух бунта и протеста — одна из ложных идеологем в арсенале советских ученых, которые использовались для адаптации русской лирики атеистическим сознанием. При истолковании мировоззренческих основ русской классической поэзии этот штамп советской эпохи был в ходу наряду с такими терминами, как пантеизм, деизм, атеизм, романтизм, язычество, двоеверие, привычно употребляемыми в нарочито размытом значении и без какого бы то ни было философского анализа — ради редукции собственно христианских смыслов.

Под демонизмом понимается богоборческий атеизм, предельная цель которого — разрушение существующих ценностей; его основа — абсолютная свобода личности, движимой ненавистью и личной претензией к мирозданию. Сам факт обращения поэта к образу демона трактовался в советскую эпоху как отрадный симптом подобного отношения поэта к миру, как проявление богоборчества или отрицания существующего строя. В действительности русская поэзия чужда демонизма, как не свойственны русским поэтам пантеизм, деизм, язычество и двоеверие. В контексте русской культуры

образ демона в стихах поэтов имел прямо противоположное значение — в его образе выявлялось то зло, с которым борется поэт в своей душе. Не вообще демон, но *мой* демон — такова специфическая, характерная для русской поэзии трансформация образа европейской культуры.

Традиция возвышения духа зла складывается в новой европейской литературе. Эта тенденция проявляется даже в тех произведениях, которые, казалось бы, создаются на христианских основаниях. Так, в трагедии правоверного католика Йоста ван ден Вондела «Люцифер» падшему ангелу придаются черты величия, и не только до его падения, но и после — в небесной битве, его ропот на Бога

276

как на тирана и презрение к покорности верных ангелов изображены не без симпатии, и эти черты показывают всю проблематичность художественной фантазии в рамках темы, которая лишь вскользь звучит в Библии и к которой осторожно обращаются святые отцы. В творениях Мильтона, верующего протестанта, величие духа зла, пафос убедительности в речах демона, исполненных богоборческого протеста, — очевидные приметы, хотя для автора характерно следование церковному учению о зле. Видимо, само превращение демона в главного героя произведения и психологизация этого образа с неизбежностью влечет за собой его возвеличивание. Байрон делает следующий существенный шаг — демон превращается в положительного героя, а романтический герой наделяется демоническим, возвышенным ореолом. Так, в мистерии «Каин» в уста Люцифера, героизированного борца с богом-диктатором и деспотом, вкладываются богоборческие инвективы, выражающие авторскую точку

зрения.

Для советских филологов характерна явная симпатия, с которой трактуются образы демона в западной и русской литературе. Так, для Белинского, духовного отца советского литературоведения, демон есть именно мятежный и гордый дух, а отрицание, эта демоническая направленность сознания и воли, проповедуется Белинским как высокая ценность, им обосновываемая «диалектически», с характерным извращением гегелевской диалектики. У Чернышевского отрицание осмыслено как прогрессивный принцип, служащий — без всяких недоговоренностей — ниспровержению традиционных религиозных догм ради *чистого* и *верного*, то есть материалистического, мировоззрения. Эти взгляды сказываются в оценках литературных произведений. Так, для Белинского Мильтон и Байрон ценны прежде всего как бунтари. Развивая идеи романтиков о величии мильтоновского Сатаны, Белинский пишет:

...сам того не подозревая, он в лице своего гордого и мрачного Сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, хотя и думал сделать совершенно другое².

Характерно это «сам не подозревая»: невзирая на пуританскую религиозность, поэт высказал, по Белинскому, протест против Бога, а наличие в духе зла действительного

² Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1947 года // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 792.

зла снисходительно объясняется критиком как «противоречия» в мировоззрении автора.

Советские исследователи последовательно развивают

подобные идеи. Так, автор учебника по зарубежной литературе Р. М. Самарин утверждает: бог Мильтона абстрактен, а «великий Сатана» «человечен», «портретизирован», его лицо «грозное и прекрасное», «облагороженное страданиями и думами», у него «неукротимый бунтарский дух», в борьбе «он обретает свое заманчивое и угрюмое обаяние»³. О демонической теме, близкой сердцу атеиста, порой говорится в трудах советских литературоведов с каким-то особенным удовольствием и восхищением. Отрицательные же черты в облике демона в произведениях литературы трактуются, в духе Белинского, как проявление «ограниченности»⁴ автора, как результат влияния «ограничивающего религиозного начала»⁵. Это ярко проявляется в исследованиях советских филологов, посвященных поэме Лермонтова «Демон», ее эволюции; в них с явным неудовольствием отмечается усиление негативных черт в образе демона, что объясняется подчинением религиозной традиции. Впрочем, казуистическая логика находит выход: вопреки желаниям автора, объективно (это характерное советское *объективно!*) в поэме выражен богоборческий пафос. Так, в Лермонтовской энциклопедии (в статье Э. Э. Найдича о «Демоне») читаем: богоборческий мотив проявляется уже в том, что демон не примирился с добром, а гибель Тамары «должна свидетельствовать о несовершенстве миропорядка, установленного богом; тем самым поэма приобретает богоборческое звучание»⁶. Так что, по непостижимой логике автора статьи, вина в гибели Тамары «может быть переадресована творцу такого мироустройства»⁷.

Характерно и стремление придать теме демона политический оттенок, так, в комментарии к стихотворению Лермонтова «Демон» (1829) в четырехтомном собрании сочинений поэта читаем:

«Демонизм»... получил у Лермонтова не только этическое, но и политическое осмысление. В нем нашел выражение могучий

³ Самарин Р. М. Зарубежная литература. М., 1978. С. 143.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 130.

⁷ Там же. С. 131.

278

протест поэта против застойных явлений русской действительности⁸.

Русские стихотворения о демоне нуждаются в неизвращенном, естественном для духовной ситуации XIX века прочтении — с учетом большого контекста православной культуры, воздействие которого на заимствованные русской литературой темы, сюжеты, жанры, образы всегда вело к их существенному переосмыслению — в их развитии на новой питательной почве⁹. Так злой дух в русской поэзии утрачивает свой возвышенный бунтарский облик и превращается в образ духовной опасности и угрозы, лично обращенной к душе поэта.

Духовная традиция переложений псалмов в XVIII веке, как и предшествующая русская словесность, не акцентировала тему зла; кристаллизация образа демона связана, безусловно, с влиянием мильтоновских и байроновских произведений, сильный и яркий импульс дает и гетевский Мефистофель. Характерно восприятие «Фауста», описанное арзамасцем Ф. Ф. Вигелем:

В хорошем обществе кто бы осмелился быть защитником немецкой литературы, немецкого театра?..

Далее речь идет о нарушениях привычных классицистических представлений о драме, и между

прочим:

И что это за Мефистофель? И как можно черта пустить на сцену? Это то же, что пьяного сапожника представить в гостиную знатной модницы. Все это казалось неприличием, отвратительною неблагопристойностью¹⁰.

Но западное «цивилизирующее» влияние побеждает естественное отвращение к созерцанию черта на сцене, приучает в «неприличии» видеть проявление гениальности, но, однако, это влияние дает на русской почве и неожиданные плоды: в русле русской духовной традиции в образе демона эксплицируется главенствующий соблазн — души человека вообще или души поэта. Тема демона становится по сути покаянной темой, прикровенной — лишенной покаянной эмоции, но звучащей в тональности бесстрашного и трезвого самоанализа.

⁸ См.: *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1958. С. 620.

⁹ См. об этом: *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // *Пумпянский Л. В.* Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 31.

¹⁰ Цит. по: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 72.

В свете отеческой антропологии русская поэзия осмысляет проблему человека в духе глубокого и острого антиномизма: двойственность человека, свет и тьма в нем эксплицируются в образах ангела и демона, отражающих светлый и темный полюсы человеческой души. У большинства поэтов первого ряда есть свой «ангел» и свой «демон». В ряде стихотворений под названием «Ангел» у Пушкина, Лермонтова, Глинки, Майкова, Полонского, в ангельских видениях Жуковского, Хомякова, Фета, в «Преображении» Шевырева описание

существа мира высшего выражает опыт прикосновения к горнему. Греховность человека, проникнутость его души до самой глубины духом зла русские поэты чувствуют не менее глубоко. Целый ряд стихотворений о «моем демоне» рождается из осмысления власти лукавого и многоликого духа зла над человеческими душами.

Согласно святоотеческому учению, демоны — падшие существа духовного мира, укоренившиеся во зле, в отличие от человека, пребывающего между добром и злом. Они стремятся погубить человека, используя многообразные средства, всю свою многовековую опытность во зле. Они обращаются в человеке к тем его качествам, которые скрыты в его душе, воздействуя на его тщеславие, или властолюбие, или сребролюбие, сообразуясь с его склонностями; стремятся погубить веру в Бога, они производят в его душе смятение, тоску, уныние, отчаяние, гордость, все виды злобы; они сообщают душе греховные помыслы и мечтания, при этом стремясь остаться незамеченными, так чтобы человек видел причины происходящего в себе самом. Созерцающие бесов духовными очами отмечают их способность надевать светоносные личины, но собственная же их природа неизменно выявляется как безобразие, тьма, злобность, коварство; бесы гнусны, как свидетельствуют восточные отцы.

Демон русских поэтов есть зло опознанное, в процессе самопознания выявленное и осмысленное, — в соответствии с новозаветным императивом различения духов. Какие конкретные черты открывает поэт в его облике, исследуя свою собственную душу, каковы его взаимоотношения со своим демоном, эти аспекты приоткрывают нам глубинные черты личности поэта. Проявлена ли в подобных стихах ненависть к злу, точное его познание в духе святоотеческой традиции или игра в демонизм в духе европейской поэзии, на этот вопрос

необходимо ответить в каждом

280

конкретном случае. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) отмечал:

Русская поэзия еще не нашла своего высшего выражения. В ней недостаточно «различение духов». Поэты еще хранят с райским духом и преисподний. Забавляются им¹¹.

Вполне ли соответствует истине эта строгая оценка религиозного мыслителя?

Как и многое другое у Пушкина, его «Демон» (1823) оказывается определяющим для складывающейся традиции. В. М. Жирмунский истоки пушкинского «Демона» видит в гетевском Мефистофеле, «но в самой общей форме» и истолковывает его как «разрушение мечтательных иллюзий юности скептическим анализом жизненных ценностей», так что «традиционный демон» становится «носителем современного рассудочного скептицизма»¹². Это будто бы подтверждается приводимой им пушкинской заметкой о «Демоне»:

Недаром великий Гете называет вечного врага человечества духом отрицающим. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух — отрицания или сомнения? И в приятной картине начертал печальное влияние на нравственность нашего века¹³.

Нельзя не заметить, что приведенная пушкинская мысль решительно не соответствует интерпретации Жирмунского. Для Пушкина, в духе традиции, демон есть вечный враг человечества, онтологическая реальность, этот вечный дух влияет на нравственность людей, на нравственность же его века в особенности — как дух отрицания. У Жирмунского, в результате игнорирования духовного измерения, мыслится лишь психологическая реальность — разрушение анализом мечтаний и иллюзий

молодости.

В пушкинском стихотворении речь идет о реальном воздействии реального духа зла: «...неистошимою клеветою / Он Провиденье искушал» — дух неверия обращает свои язвительные речи прежде всего против благого Провиденья, и эта мысль поэта находится в полном созвучии с отеческими писаниями, прежде всего подчеркивающими извечное стремление бесов лишить человека веры в Бога. Демон пушкинского стихотворения стремится разрушить

¹¹ *Иоанн, архиепископ Сан-Францисский. Избранное.* Петрозаводск, 1992. С. 565.

¹² Там же. С. 110.

¹³ Цит. по: *Жирмунский В. М.* Указ. соч. С. 110.

также и иные высокие ценности, им отрицается искусство, любовь, свобода, красота природы. Демон, «злой гений», тайно обращающийся к душе, является в «часы надежд и наслаждений», «возвышенных чувств» и «вдохновений», отравляет высокие минуты бытия «тоской нежданной», «хладным ядом», стремится обесценить все возвышенное с помощью «насмешки», «улыбки», «клеветы». Так конкретизируется у Пушкина сущность демонических внушений: демон есть дух сомнения в том, что высоко и духовно, метод его воздействия — насмешка, результат — печаль, тоска и холод. Лишь «чудный взгляд» — это единственная черта в облике искусителя, которая связывается с европейской традицией воспевания этого падшего существа из мира высшего. В «Отрывке из Фауста» (1825) все эти аспекты будут предельно усилены: бес предстанет как умный дух цинизма и иронии, убивающий своим холодно-насмешливым анализом все живое в душе человека и

вселяя в нее бессмысленную жестокость. Имя его — «дух отрицанья, дух сомнения», гетевская характеристика, — будет употреблено Пушкиным в стихотворении «Ангел» (1827), в котором поэт и демона заставит пережить нечто абсолютное, отрицанию не подлежащее, согласно новозаветному: и бесы веруют и трепещут. Характерно и то, что стихотворение о встрече летающего «над адской бездною» демона, без тени возвеличивания этого образа, и сияющего ангела названо «Ангел», хотя в ситуации стихотворения основное событие — перемена в умонастроении — происходит именно в демоне («...жар невольный умиленья / Впервые смутно познавал»). Ангелу же у Пушкина нужно просто *быть* в своем нежном сиянии, чтобы зло осознало само себя и свое место в мире.

Пушкинские аспекты темы демона будут далее развиваться в русской поэзии. Двойственность сил, вслед за пушкинским «Ангелом», становится темой ряда стихотворений. Так, проблема выбора человеком духа райского или преисподнего поставлена в стихотворении А. Н. Майкова «Ангел и демон» (1841):

Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один —
Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;
Другой — во всем величьи зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.

282

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?

Господень ангел тих и ясен:
Его живит смиренья луч;
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч!

В этом стихотворении не разрешен вопрос о том, кого предпочтет человек. Но ответ просматривается в самом описании двух духов. Дух преисподний явно поэтизируется: огненная порфира, огненные крылья, сумрачный — всего лишь сумрачный (не тьма, не безобразие) мир. Более того, демон прекрасен, лучезарен, могуч; в стихотворении изображено именно «величье зла», а тишина, ясность, смиренность ангела явно менее притягательны для человека. Сила соблазна, обаяние зла показаны здесь, и противоядия не дано. Не впрямь ли «забавляется» здесь поэт с бесом? Вряд ли это так. Поэт невысоко ставит человека, с позиции которого — с позиции человека вообще — смотрит на двух духов, и, увы, не надеется, что человек, «в пыли рожденный», хотя и отличающийся «вечный» венец от «временных» нег, знающий цену ложного выбора, предпочтет ангельское смирение. Ситуация человека, описанная в стихотворении, выражает мысль поэта о всевластии духа зла над душой человека. Но чаще в подобных стихах русских поэтов, где присутствуют два героя, торжество оказывается на стороне духа света, для русских поэтов, в духе пушкинской традиции, характерна вера в возможность одоления зла и в торжество света.

Два лика собственной души, два полюса выявляются у Ф. Н. Глинки неоднократно, ярче всего — в стихотворении «Два я» (1841). Творческое и верующее «я» противостоит мирскому и суетному, первое влечет к уединению, второе — «на рынок жизни». Светлое «я» несет в себе любовь и мир. Воздействие же темного духа в описании поэта вызывает отвращение: он

...принес с собой и мрак и пыль,
Туман и смрад, и смерти гниль.

В результате герой стихотворения подчинен суетным страстям: «мчался», «блистал, шумел, дивил, слепил, / Боролся, бился, протеснялся». Последняя строка стихотворения:

283

Он веровал, он был поэтом —

утверждает торжество света в душе, веры и творчества.

Стихотворение Майкова «Дух века» (1844), представляющее собой диалог Юноши и Духа века, завершается также победой над искушением. Дух века здесь бес, многоликая «змея», «адский дух», меняющийся век от века вместе с человеческими слабостями, потакающий всем человеческим порокам — потому он называет себя «другом людей». Но Юноша — поэт, в нем живет вера в то, «что в мире есть святого», он остается верен своему идеалу и негодует на попытки беса попать «...все — душу, совесть, мысль и слово, / Мой образ Божий...» ради достижения корыстных целей. Завершается диалог гневным:

Прочь, адский дух!..

Демон есть зло, зло есть зло — в стихотворениях русских поэтов-классиков о демоне в этом нет ни сомнений, ни двойственности. Это в полной мере относится к Лермонтову, демонизм которого значительно преувеличен критиками. Так, первая характеристика в первом стихотворении поэта «Мой демон» (1829) — «собрание зол его стихия», что будет повторено во второй редакции стихотворения (1830—1831). Так же однозначно: «Как демон мой, я зла избранник...» — прозвучит в стихотворении «Я не для ангелов и рая...»

(1831). Власть демона над своей душой поэт исследует в нескольких стихотворениях, и везде демон несет именно зло, горькие плоды его воздействия — пустота и отчаяние. В «Моем демоне» пятнадцатилетним поэтом отмечены симптомы зла: презрение к любви («он презрел чистую любовь»), безжалостность («он все моления отвергает»), жестокость («он равнодушно видит кровь»). На первое же место поставлено то, что в полной мере соответствует христианской традиции, что заложено Пушкиным как основание поэтической традиции, — отрицание веры («он недоверчивость вселяет»), что будет усилено во второй редакции стихотворения:

Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон.

Далее в стихотворении «Ночь. 1» «твореньем ада» поэт назовет сомнение в Божьем милосердии.

Абсолютная противопоставленность сил тьмы и света подчеркивается Лермонтовым в ряде стихотворений, «ад или небо» — характерное для поэта противоположение:

284

Не страшился б муки ада.
Раем не был бы прельщен...
(«Для чего я не родился...», 1832)

Осмыслена и выражена поэтом и промежуточность положения человека, смешение в нем ада и небес — в стихотворении «1831-го июня 11 дня»:

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном все чисто, а в другом все зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его

Мученья происходят оттого.

Этот фрагмент несет в себе мысль, родственную той, что была высказана А. С. Хомяковым в стихотворении «К заре» (до 1825):

Заря! Тебе подобны мы, —
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

Для обоих стихотворений характерен острый антиномизм: в человеке не только две природы, божественная и падшая, не просто добро и зло, но в их предельной выраженности — небеса и ад, священное и порочное. Здесь не державинское — и червь и бог, или тютчевское: царь земли прирос к земле, то есть не противопоставление ничтожества человека и его величия. Здесь заостренность двух онтологических полюсов и их *смешение, встреча* в человеческой природе. Лермонтовская мысль отмечает и следствие подобного соединения — страдание, что имеет первостепенную важность для его самопознания, здесь осмыслен поэтом сам метафизический корень его душевных мук.

Лирический дневник юного поэта несет в себе летопись внутренних борений, мучительное столкновение двух сил в его душе. Для поэта Бог — безусловная реальность, но отношения с Ним непросты, в этой «тяжбе» едва ли не главный упрек поэту Богу заключается в том, что душа его отдана во власть демону. Он ощущает свою «избранность» духом зла, который разрушает в его душе своей «насмешкою суровой» то, что поэту дорого: веру, любовь, творчество, внушая зло и жестокость, прельщая «лучом чудесного огня». Этот свет осознан как ложный — демон у Лермонтова

не есть источник высоких даров, но лишь мнимых образов:

Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда»

(«Мой демон», 1830—1831)

В поэтических размышлениях юного Лермонтова о демоне, если мы воспримем их духовный смысл, не обнаружится ничего, противоречащего традиции, можно отметить лишь некоторую чрезмерность пафоса. Подвластность демоническим внушениям, самим же поэтом осмысляемая в стихах, оценивается всегда негативно, ее результат всегда страдание. Из стихов же лермонтовского последнего пятилетия образ демона уходит вовсе. Размышляя о своем поколении в духе обретаемой трезвости, в стихотворении «Дума» первой, важнейшей чертой современников поэт называет «бремя познания и сомнения», «неверие», то есть все ту же подвластность духу зла, который «осмеивает» высокие страсти, заглушает их «голос благородный» и внушает равнодушие к добру и злу. Демон не назван здесь напрямую: поэт, выявив ранее в стихах воздействие демона-мучителя, освобождаясь от юношеских чрезмерностей, берет всю вину на себя: «мы» здесь действующее лицо, не дух-искуситель и не Бог, обвиняемый ранее за собственную незащитность перед искушениями, стихотворение превращается в список прегрешений ума, души и воли, которые поэт разделяет со своим поколением.

Искушения демона, осознаваемые русскими поэтами как внутренняя опасность, часто связываются с духом времени. Поэты призывают стать выше веяний своей эпохи: об этом говорил Майков: «Выше века будь!»;

А. К. Толстой предлагал возбудить «течение встречное» — против господствующего течения, в духе которого хула на все возвышенное. Фет посвятил ряд стихотворений противостоянию духу времени, отвергающему все высокое: «И рад влачить в грязи злой гений / Мужей великих имена...» — «Мои ж сгибаются колена и голова преклонена...». Основную черту эпохи — скепсис, безверие — анализирует и беспощадно осуждает Тютчев в стихотворении «Наш век».

Доминантой образа демона как духа эпохи полагается, вслед за Пушкиным и Лермонтовым, именно безверие. Н. Ф. Щербина подчеркивает разрушительность и смертоносность демонических воздействий в стихотворении «Наш

286

демон» (1846): сомненье, холод, иронию внушает демон, властвующий над людьми:

Нас тайный демон посетил:
Он в нас живет, играет нами,
И кажет только ряд могил
Да змей, сокрытых под цветами...

Итог стихотворения оптимистичен, ведь признанный демон не страшен:

Но верим мы: сей демон злой
К отцам ниспослан с колыбели,
Чтоб дети здравою душой
Прямую жизнь уразумели.

Подробно описано действие духа зла, «демона сомненья», в стихотворении «К демону» Я. П. Полонского (1844): он внушает неверие, скепсис, иронию, отрицание Провидения, отеческих преданий, «волшебных снов», «детских упований», и в результате — разрушенный храм веры и «мрачная

пустота» жизни. В зрелые годы Полонский в стихотворении «Век» (1864) подытоживает в монологе духа XIX века сложившуюся традицию соединения двух тем — темы времени и темы демона, выявляя характерные черты века как века безверия:

Бедняжка человек!

О чем задумался? Бери перо, пиши:
В твореньях нет Творца, в природе нет души.
Твоя вселенная — брожение сил живых,
Но бессознательных, — творящих, но слепых,
Нет цели в вечности; жизнь льется как поток,
И, на ее волнах мелькнувший пузырек,
Ты лопнешь, падая в пространство без небес...

Демон, инспиратор атеистического сознания, внушает тот соблазн, которому готов поддаться человек: даже у Тютчева в горькую минуту вырвется: если в той, к кому обращено стихотворение, нет чувства, нет души, то «нет в творении Творца». Бездушные природы, согласно материалистической науке; бессознательность процессов в мироздании, это новое слово эпохи, рождающей философию бессознательного; отрицание реальности небесного и вечного в мире, а также и в человеке, который подобен пузырьку на поверхности (как у Тютчева — тающей и бесследно исчезающей льдине) — все эти симптомы с точностью духовной диагностики отмечены в стихотворении Полонского.

Демон как онтологическая реальность, как дух отрицания и иронии — опыт постижения этих истин отразится

287

и в стихотворениях Фета. Дух зла предстанет в качестве духа насмешки (пушкинское «на жизнь насмешливо глядел...») в стихотворении с ироническим названием

«Добрый день» (1847), которое есть своего рода «Мой демон»:

Вот снова ночь с своей тоской бессонной
Дрожит при блеске дня.
С улыбкою мой демон искушенный
Взирает на меня.

Основная черта духа зла — умение читать в душе человека: «...он знает все» — «улыбку, вздох и слезы», «бессонницу и грезы», знает слова, которые будут сказаны поэтом, знает, «чем дума занята», и ему смешно все то, что он читает как по книге.

Мой мраморный, блестящий и холодный,
Мой прорицатель дня,
С улыбкой злой и гордо-благородной
Он смотрит на меня.

Демон для поэта связан со стихией дня — обыденной жизни, здравого смысла и противопоставлен стихии ночи — подлинной жизни души и поэзии. Демон — здравомыслие и холодная логика в маске благородства — смеется над возвышенными грезами. Это искушение осознает здесь поэт — осмеять с внешней позиции дневного сознания собственные высокие порывы. Так Фет выговаривает нечто первостепенное для понимания духовных оснований его творчества.

«В пору любви, мечты, свободы...» (1855) — этой строкой начинается еще одно фетовское стихотворение о демоне, воспоминанием о том, что в счастливую пору детства и юности поэт не знал «душевной непогоды», то есть воздействия зла на душу, не верил,

...что будто по душе иной
Проходит злоба полосами,
Как тень от тучи громовой.

Зло в чужой душе как тень от громовой тучи — этот

фетовский образ выражает мысль о природе зла: туча есть сам дух зла, тень от тучи, падающая вниз, в человеческие души, есть проникшее в человека зло, которое полосами захватывает душу. Поэт осмысляет свой опыт «отрезвления» — созерцания зла, той самой тени от тучи, в себе самом. Но всей глубины зла и его неодолимости в душе оценить сразу невозможно, оно раскрывается постепенно:

288

...Но знал ли я,
Как живуща, как ядовита
Эдема старая змея!
Находят дни: с самим собою
Бороться сердцу тяжело...
И духа злобы над собою
Я слышу тяжкое крыло.

Древний змий, который, по библейскому преданию, искушал человека в Раю, в тяжелой борьбе с собственным сердцем осознается поэтом как реальность. Зло внутреннее оказывается воздействием внешней силы зла — в соответствии со святоотеческим учением.

Итак, полярность двух сил, реальность духа зла, демон как дух сомненья, отрицания, безверия, как дух насмешки и иронии по отношению ко всему высокому, его опустошающее воздействие на душу, демон как дух времени — все эти грани образа варьируются поэтами в стихах, преломляясь каждый раз по-новому. Отметим еще некоторые существенные аспекты, сопутствующие этим лейтмотивам.

Характерный аспект стихотворений о демоне — стремление сил зла не допустить человека в мир горний. «Живет он пищею земной...» — прозвучало уже в раннем лермонтовском стихотворении. Эта тема развита в стихотворении «Он есть» (1835) В. Кюхельбекера, в

котором поэт свою веру противопоставляет «Денницы
падшего ученью»:

Не рвися думой за могилу:
Дела! дела! — вот твой удел!
Опрись о собственную силу,
Будь тверд, и доблестен, и смел!
Уверен ты в себе едином:
Так из себя все почерпай, —
И мира будешь властелином,
И обретешь в себе свой рай.

В этом монологе духа зла проповедуются дела (как у Гете Фауст исправляет начало Евангелия от Иоанна, заменяя «слово» — «делом») и сила самодостаточного человека, что есть, по характеристике поэта, «слиянье истины и лжи» — в соответствии с отеческим преданием, которое учит не доверять ничему, что сообщает дух зла, ибо он, будучи духом лжи, для обольщения вносит в свои вещания и элементы правды. Поэт точно распознает характер дьявольских обольщений. Высокое назначение человека и укорененность его силы в Творце — это две неразрывные идеи в христианской антропологии: человек силен своей

289

связью с Богом, а сам по себе немощен; и эти два аспекта разведены в учении падшего духа, утверждается один — самодостаточность человека, ненужность для него высшего. Ответ этому «учению» дается далее: человек не сам создает свое я, исток его достоинства и взлетов — в Боге:

Бывал я выше суеты,
Но с помощью высоты.

Пафос стихотворения — в утверждении Божьего бытия, вопреки внушениям злого духа, как своего

собственного пережитого опыта:

...вижу я Его:
Там среди звездного чертога,
Здесь в глуби сердца моего
И в чудесах моей судьбины!

Невозможность приобщения к горнему — эта мука души явлена в тютчевском стихотворении «Фонтан» (1836). Демон, препятствующий познанию высшего мира, замыкающий человека в земном мире, не допускает, из ненависти и зависти, возвышения человека к Богу, согласно отеческому Преданию. У Тютчева мысль человека, подобно фонтану, лучом стремится к небесам,

...но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Так описывается неизбежность падения человеческой мысли к земному после порываний к горнему. Не только непреодолимая грань между Творцом и тварью служит помехой, согласно мысли поэта, но и чья-то злая воля, незримая роковая рука ограничивает человеческое познание, и речь идет именно о демоническом вмешательстве в мир.

К теме демона в этом же ключе обращается А. Толстой:

*Бывают дни, когда злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягченная склоняется глава.*

Демоническое воздействие в стихотворении поэта («Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...», 1858) ощущается как тяжесть, невозможность устремления к небу.

И все, что есть во мне порочного и злого,

Клубится и растет все гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,

290

В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чем верю и живу я.

Здесь злой дух узнаваем по весьма характерным симптомам: он стремится угасить главное в душе — любовь, веру, жизнь, вместо них сообщить мрачность, тьму, пустоту. Плоды воздействия демона, не ведающего «ни радости, ни веры», — безверие и безрадостность, и основная причина душевных мук — невозможность прикосновения к горнему, замкнутость в земной тщете.

Влияние демона опознается поэтами и в тех страстях, которые затемняют душу, угашают чувства. Вспомним точную и глубокую в духовном отношении формулу Лермонтова:

...звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей...

В его же юношеской «Молитве» «всесожигающий костер» страстей — первое препятствие к возвращению «на тесный путь спасенья», в их числе и страсть стихотворства, «страшная жажда песнопенья», «лава вдохновенья», «грешные песни», обращенные не к Богу. Угасить это полыхание страстей в душе и в творчестве просит поэт в своей молитве, безнадежной и дерзкой по интонации, ибо в ситуации этого стихотворения душа поэта всецело во власти страстей и страданий, а Бог не разрешает этих мук. Однако вспомним слова преп. Исаака Сирина: в самой муке души, подчиненной греху и страдающей от опознанного греха, сокрыта надежда на исцеление.

Борение сил тьмы со светом в душе человека показано

А. Толстым в этом же аспекте: орудие демона — стихия бушующих страстей, соблазн напряженности и яркости страстного бытия. Об этой одолевающей силе бездны, силе мрачных страстей и противодействии ей речь идет в стихотворении «Он водил по струнам, упали...» (1857). Тема его — «убедительно-лживая», демонически-соблазнительная музыка, которую исполняет скрипач с «безумными» очами, завораживая и заражая слушающих томительно-роковыми страстями:

...И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались

291

Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билось сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невосвратно,
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула...

Звуки рассказывают о гибели души, однако в самом этом безнадежном борении сокрыта и возможность возврата: по мере возрастания силы соблазна вспоминается и утраченный рай — позабытая отчизна, и звучит укор и зов, и нарастает страдание. Противоядие от соблазна дается здесь же — оно во взгляде ввысь:

А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула...

Эта лазурная стезя противопоставлена гибельным страстям как мир покоя и прозрачности, как та духовная вертикаль, которая дает выход из описанного заколдованного круга соблазна, гибели, страдания, сокрушения. Страстная стихия этого магически-притягательного стихотворения изображается отстраненно: это всего лишь песня безумного музыканта, лицо которого освещено «беглым пламенем синей жженки» — как бы адским отсветом. Ощутимо здесь и страдание от отсутствия небесного (постоянная тема Толстого), от заземленности души, когда она втягивается в сгущенно-земное. Поэт описывает свой опыт осмысления зла, как уже было отмечено критиками, в точном соответствии с аскетическим опытом восточных отцов, и нигде в его стихах, как и у Фета, как и у всех названных здесь поэтов (исключения будут отмечены особо), нет завороченности злом или его эстетизации.

Этот образ зла — соблазн напряженно-страстной жизни также развит и у иных поэтов. О духе бушующей страстности, дисгармонии души, о «празднике смятенья» как действии демона писал Е. А. Баратынский в стихотворении «В дни безграничных увлечений...» (1831):

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных

292

В душе носил я идеал;
Когда лишь праздников смятенья
Алкал безумец молодой,
Поэта мирные творенья

Блистали стройной красотой...

Искушение преодолено творчеством (как и в стихотворении «Болящий дух врачует пенопенье...»):

...И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.

Гармонизирующая роль поэзии в борьбе с хаосом отражена и у Тютчева: «...среди бушующих страстей» поэзия «льет примирительный елей». Глинка о том же пишет в стихотворении «Услада»:

Я был рабом земных сует...
Но Бог посылает
Мерность звонкую стихов.
С тех пор я стал земных смятений выше —
И слаше я дышу... и в сердце стало тише!..

Бури в природе, аналог душевных бурь, у Тютчева описаны как воздействие адских сил: «Ад ли, адская ли сила / Огонь гееннский разложила...» — вопрошает поэт, созерцая морскую бурю. Тютчев имел особенно чуткое зрение к бездне зла в человеческой душе, прозревал сродственную бездну и в мире природном. В раннем описании демона у Лермонтова отметим эту же тему: духу зла близки бурные природные проявления —

Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.

«Злобный дух, геенны властелин» — так назван дух морской бури в стихотворении Баратынского «Буря», он опознан поэтом как тот же демон,

...что по вселенной розлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью,
И на творенье ополчил

Все силы, данные творенью...

Отметим еще один общий мотив, характерный для целого ряда поэтов. Если творчество, в силу своей божественной природы, в стихах русских поэтов есть лекарство от бесовских внушений, то демон есть гаситель творчества и жажды прекрасного: «Он звал прекрасное мечтою...» («Демон» Пушкина); «...муза кротких вдохновений / страшится

293

неземных очей» («Мой демон» Лермонтова); «В лучах добра и красоты / Порой он призраки находит...» («Наш демон» Щербины). В классическую эпоху демон не воспринимается как дух, посылающий творческие озарения, наоборот, это демон бездарности. Источник творчества — только Бог:

Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой...
(К. Н. Батюшков, «Надежда»)

К этому же ряду стоит добавить раннее стихотворение Н. А. Некрасова «Сомнение» (1839), одно из тех, которые принято считать подражательными и даже постыдными, вероятно, потому что они были исполнены религиозного духа. Одна из ранних тем поэта — тема демона, духа сомненья, враждебного творчеству: «мятежное сомнение» есть «враг»: восторги перед твореньем, перед искусством — «...все осквернит нечистое сомненье / И окует грудь холодом могил», — предостерегает юный поэт от того, чему позднее в полной мере отдаст дань. Врагом вдохновенья называет он демона и в стихотворении «Жизнь» (1839), где говорит, обращаясь к жизни, о власти духа зла над человеком:

Из тихой вечери молитв и вдохновений

Разгульной оргией мы сделали тебя,
И губительно парит над нами злобы гений...

В русской поэзии верность духу Предания в сопряжении с художественной одаренностью рождает шедевры (Пушкин, Баратынский, Фет, Тютчев, Полонский, Глинка и др.). Искренние религиозные чувства могут соотноситься с незрелостью или некоторым несовершенством формы (творчество юного Некрасова, некоторые стихотворения Глинки и Щербины). Но художественная гениальность и духовная незрелость, проявившаяся в демонизме, — вещи, едва ли совместные в классической поэзии. Можно отметить единственное и прискорбное исключение в творчестве большого поэта. Это исполненное демонического пыла стихотворение А. И. Полежаева «Демон вдохновения» (1833), в котором описывается явление дьявола, ставшего для поэта источником творческого вдохновения, блаженства, исступления, показавшего поэту Ад и оставившего глубокую тоску по своему исчезновению. Однако это единственное подобное произведение в творчестве поэта: об ином говорят предшествующие стихотворения «Гений» (1825)

294

и особенно «Провидение» (1826—1828) — история чудесного спасения от гибели («Я погибал... / Мой злобный гений / Торжествовал!.. / Отступник мнений / Своих отцов, / Враг угнетений, / Как царь духов, / В душе безбожной / Надежды ложной / Я не питал — / И из Эреба / Мольбы на небо / Не воссылал...»), казалось бы, неминуемой. Первый признак гибели здесь — отказ от традиции, второй — освободительная идея. Мысль поэта свободна от демонического воздействия и в позднейших стихотворениях «Духи зла» и «К моему гению»: в них не

дух зла, но гений является источником вдохновения, а духи зла вполне опознаны как таковые.

Демонизм в сочетании с творческим несовершенством — удел поэтов третьего ряда, поэтов-эпигонов. Приведем лишь один пример — стихотворение Е. Л. Милькеева «Демон» (1842). Он описывает внезапное пробуждение в человеке сил жизни:

Но кто, скажи, твой дух исторг
Из мрачных уз оцепененья?
Кто сообщил тебе восторг
И бурный трепет исступленья?
Ах, это гость чудесный твой,
Другого мира странный житель,
Дух-чародей, дух-возмутитель,
Гремящий молнией и мглой!

Дух мглы здесь выступает как податель восторга и исступленья. Вот видимые проявления его действия: вначале «Ты тих, спокоен, ты молчишь...», после явления демона — «Встаешь, бежишь...», в тебе «запела выюга, / Забилась шумная волна...» Эти бурные реакции души описаны с пафосом восторга, демон безусловно поэтизирован. Надо ли говорить, что ни в одном из ранних стихотворений Лермонтова нет подобной экзальтации и слепоты?

Многokrатно подчеркивали святые отцы важность созерцания собственного греха, развивая мысль о том, что оно важнее, чем видение Ангелов. Русские поэты следовали этой традиции. Думается все же, что не классический, но период серебряного века имел в виду о. Иоанн Шаховской, говоря о том, что поэты забавляются духом зла. Поэтическая традиция XIX века несла в себе существенный заряд духовного здоровья и трезвости.

Зло, будучи в себе нравственно безобразно, может быть допущено в мир изящного только при условии глубоко

нравственного

295

значения, которым несколько смягчается его само по себе отвратительное существо¹⁴.

Изображение демона, зла, по своей сути безобразного и отвратительного, в стихотворных покаянных медитациях русских поэтов несло в себе этот глубокий нравственный смысл, оно было выявлением тьмы в себе и первым шагом в борьбе с бесовскими воздействиями. Поэтическая антропология в классический период основывалась на христианских идеях о сущности зла, и именно на основе понимания человека как существа помраченного, подвластного падшим духам формировалась в русской поэзии традиция — в образе демона эксплицировать опыт познания внутреннего человека, и эта традиция, воплотившаяся в особенной жанровой форме *«моего демона»*, показывает глубину христианских корней русской лирики.

¹⁴ Шевырев С. П. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2004. С. 154.